

А. И. Иванчик, Н. А. Сон

НОВАЯ НАДПИСЬ ЭПОХИ СЕВЕРА АЛЕКСАНДРА ИЗ ТИРЫ*

История Тирь первых веков христианского летосчисления достаточно часто привлекала внимание исследователей¹, но, несмотря на это, во многих отношениях продолжает оставаться плохо изученной. О некоторых ее аспектах нам приходится лишь гадать, что объясняется в первую очередь скудостью имеющихся в нашем распоряжении источников: эпиграфические памятники, происходящие из Тирь, немногочисленны, и их количество не идет ни в какое сравнение с количеством надписей, происходящих из других греческих городов, включая ее ближайших соседей – Истрию и Ольвию. Поэтому каждая новая надпись из Тирь представляет особый интерес и заслуживает специального рассмотрения. Не является исключением и публикуемая здесь надпись, которая в настоящее время находится в одной из частных коллекций Киева (рис. 1–2, вклейка).

Об условиях ее находки известно немного: по словам нынешнего владельца надписи, она была обнаружена на территории античной Тирь. Эта информация не может считаться совершенно надежной, однако она не противоречит содержанию надписи и в некоторой степени даже подтверждается им (см. ниже). Таким образом, можно предположительно считать публикуемый памятник происходящим из Тирь.

Надпись вырезана на мраморной плите прямоугольной формы. Мрамор серого оттенка с синими прожилками, крупнозернистый. Сохранилась правая часть плиты, включая правый и нижний края. Верхний ее край оббит, но поле надписи не пострадало. Сохранившиеся размеры плиты: высота 41,5 см, ширина – 22–31,5 см, толщина 8 см.

Текст памятника вырезан достаточно тщательно, буквы прокрашены красной краской. Расстояние между строками составляет 1,4–1,6 см. Высота букв в первой строке 2,2–2,3 см, в следующих колеблется между 3,3 и 4,0 см. Начиная с четвертой строки применяются лигатуры (TE, MΩ, ΩT, HΣ, THΣ, ΓM, MΠ), в двух последних строках дважды *омикрон* уменьшен (1,4 см). Слово δού(ατ) в стк. 6 сокращено, после сокращения стоит знак интерпункции в виде небольшого треугольника (высота 0,8 см). Резчик, видимо, плохо рассчитал расположение текста на плите: во 2 стк. он расположил буквы весьма свободно, а затем, очевидно, стал опасаться, что надпись не уместится

* Статья подготовлена в рамках проекта «Письменные источники по этнокультурному взаимодействию в западной части евразийских степей и Причерноморье в древности» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии». Авторы благодарят Г. Бауэрсока и Х. Хабихта (Принстон) за полезное обсуждение рукописи этой статьи.

¹ См. Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 82–138; Сон Н.А. Тира римского времени. Киев, 1993.

Рис. 1. Надпись из Тирь, фотография

ГУХН
 ЗАГАРАМАХР
 ДРОНЕХТХН
 МАХРАРЕМНИ
 БАКЛЕИХЕТУ
 ДУЛЕХНЛОМ
 ТОУЛАМТР
 0 2 у

Рис. 2. Надпись из Тирь, Прорисовка

на отведенном для нее месте. Его опасения не были напрасными – последнюю строку ему пришлось дописывать на нижнем поле маленькими буквами (высота 1.6 см, расстояние между последней и предпоследней строками 1.0 см), последняя из которых сохранилась. Очевидно, по той же причине он начал сокращать слова в конце надписи, а также стремился уместить как можно больше букв в каждой строке, что заметно уже в сткк. 4 и 5. В стк. 4 резчик написал после имени М. Аврелия Артемона *иоту*, с которой начинался следующий за ним этникон, вместо того, чтобы начать написание этникаона с новой строки, а в конце стк. 5 пытался поместить *ипсилон*, который оказался уже, чем та же буква в других местах надписи, и лишенным украшений в виде горизонтальной гасты и апексов верхних гаст. Кроме этого случая, *ипсилон* лишен горизонтальной гасты только на буквах меньшего размера в первой и последней строках. Другие буквы в конце строк начиная с четвертой (N, T, Δ), также существенно уже и тоньше, чем в их начале, особенно в первых трех строках.

Датировка надписи определяется вполне уверенно благодаря упоминанию в ее начале Севера Александра. Ее шрифт полностью соответствует этой датировке. Часть букв имеет начертания, типичные для угловатого шрифта эпохи поздних Северов. Особенно характерны написания *омеги* и *сигмы*. При этом угловатые буквы сочетаются с округлым, а не ромбическим *омикроном*. Такое сочетание угловатых и округлых букв хорошо известно в надписях III в. н.э., включая и эпоху Севера Александра. Для надписей этого времени характерно и использование *омикрона* уменьшенного размера, и интерпункции при сокращениях. Широкое использование лигатур и их форма также типичны для этого периода. Из датированных надписей близкого региона с публикуемой схожи по шрифту ольвийские надписи IOSPE I². 184 и NO 52 эпохи Севера Александра (особенно буквы *сигма*, *омега*, *ипсилон* и др., но не *омикрон*, а также лигатуры и знаки интерпункции) и истрийская надпись ISM I. 89, датирующаяся 212–217 гг. (*сигма*, *омега*, *ипсилон* и др. в сочетании с округлым *омикроном*, большого и уменьшенного размера).

Надпись читается следующим образом:

vac. ΑΓΑΘΗ] ΤΥΧΗ vac.

ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΑ]ΚΑΙΣΑΡΑ Μ ΑΥΡ
 ΣΕΟΥΗΡΟΝ ΑΛΕΞΑ]ΝΔΡΟΝ ΕΥΤΥΧΗ
 ΕΥΣΕΒΗ ΣΕΒΑΣΤΟΝ] Μ ΑΥΡ ΑΡΤΕΜΩΝ Ι
 ----- Η]ΡΑΚΛΕΩΤΗΣ ΤΥ
 ----- Β]ΟΥΛΕΥΤΗΣ ΔΟΓΜ
 ΤΗΣ ΙΕΡΩΤΑΤΗΣ Β ΚΑ]Ι ΤΟΥ ΛΑΜΠΡΟ
 ΤΑΤΟΥ ΔΗΜΟΥ] vac.

Восстановление текста особых сложностей не вызывает, некоторые сомнения могут возникнуть лишь относительно заполнения лакун в сткк. 5–6. В целом восстановленный текст и его перевод выглядят следующим образом.

[ἀγαθή] τύχη

[Αὐτοκράτορα] Καίσαρα Μ(άρκον) Αὐρ(ήλιον)

[Σεουήρον Ἀλέξα]νδρον εὐτυχῆ

[εὐσεβῆ Σεβαστόν] Μ(άρκος) Αὐρ(ήλιος) Ἀρτέμων Ἰ-

5 [στριανός Ethnicum Ἡ]ρακλεώτης Τυ-

[ρανός Ethnicum β]ουλευτῆς δόγμ(ατι)

[τῆς ἱερωτάτης β(ουλή)ς κα]ὶ τοῦ λαμπρο-

[τάτου δήμου]

«[Доброй] судьбе. (Статую) [императора] Цезаря Марка Аврелия [Севера Алекса]ндра Феликса [Пия Августа], Марк Аврелий Артемон и[стриец (?) ... г]ераклеец, ти[риец ... ч]лен совета, по постановлению [святейшего совета и] светлей[шего наро]да (поставил)».

В сткк. 2–4 содержится имя императора Севера Александра в стандартной для греческих надписей форме, являющейся дословным переводом с латыни: Ἀὐτοκράτωρ Καῖσαρ Μ(άρκος) Αὐρ(ήλιος) Σεουήρος Ἀλέξανδρος εὐτυχῆς εὐσεβῆς Σεβαστός передает латинское Imperator Caesar M. Aurelius Severus Alexander Felix Pius Augustus. Таким образом, надпись относится ко времени правления этого императора (март 222 г. – март 235 г.). Благодаря упоминанию имени императора в начале надписи удастся выяснить примерную длину ее строк и соответственно количество букв, которых не хватает в левой, пропавшей ее части. Наличие в сткк. 2 и 3 сочетания Μ(άρκων) Αὐρ(ήλιων) [Σεουήρων Ἀλέξα]νδρον, в которое не может быть вставлен никакой дополнительный элемент, позволяет выяснить, что в лакуне умещалось примерно 14 букв. Это исключает теоретически допустимую возможность того, что в начале текста имелся более развернутый вариант титулатуры и перед сочетанием [Ἀὐτοκράτορα] Καῖσαρα стояли еще какие-то слова. Кроме того, это исключает и возможность того, что надпись продолжалась на другой плите, примыкавшей к сохранившейся справа. Следовательно, правый край плиты является одновременно и краем надписи. В 4 сткк. после имени императора стоит имя Марка Аврелия Артемона в номинативе, за которым следует *iota*. Здесь можно было бы предположить и форму датива Μ(άρκῳ) Αὐρ(ήλιῳ) Ἀρτέμωνι, однако наличие в сткк. 5 и 6 двух номинативов, Ἦρακλεώτης и βουλευτής, исключает такое восстановление. Таким образом, резчик, очевидно, из экономии места (см. выше) начал написание слова на этой строке, хотя здесь и могла уместиться лишь одна буква.

Восстановление дальнейшего подсказывают те же слова – речь идет, видимо, о ряде этниконов. Учитывая место находки надписи, после слова Ἦρακλεώτης достаточно уверенно восстанавливается Τυ[ρόνός]. Соответственно после имени Марка Аврелия Артемона следует восстанавливать название города, начинающееся на *iota*. Наиболее вероятным кандидатом, учитывая географическое положение, является Истрия. Окончание сткк. 5 показывает, что этниконы в данном случае не были соединены союзом καί, как ожидалось бы. Аналогии такому способу перечисления в подобном контексте хотя и редки, но известны².

Для заполнения двух оставшихся лакун наиболее вероятным представляется восстановление здесь еще двух этниконов. В первой лакуне возможно, кроме того, восстановление слова βουλευτής, хотя ее размер не позволяет восстанавливать здесь слово целиком, но оно достаточно часто сокращалось. Однако тот факт, что в следующей строке то же слово стоит несокращенным, при том, что резчик испытывал явный дефицит места (см. выше), вряд ли позволяет предполагать такую возможность. Можно восстанавливать, таким образом, в этой лакуне этникон, содержащий 7–8 букв, например Σινωπεύς (учитывая наличие в нем узкой *iota*). Впрочем, это восстановление сугубо

² См., например: Moretti L. Inscriptiones Graecae urbis Romae. V. I. Romae, 1968. P. 207–211. № 240: 9–10. Чаще встречается перечисление названий городов без καί – см., например: Bourguet E. Inscriptions de l'entrée du sanctuaire au trésor des Athéniens. P., 1929 (Fouilles de Delphes. III, 1). P. 365–366. № 551: 10–19; IG Bulg. I². № 24(2), а: 8–11 и др.

предположительно, поскольку мы не можем быть уверены в том, что все города списка обязательно принадлежали черноморскому региону.

В лакуне в стк. 6 несомненно содержался еще один этникон (9–10 букв). Таким образом, в надписи восстанавливается последовательность из пяти этниконов (один сохранился полностью, два частично и восстанавливаются с большой вероятностью, два не сохранилось), завершающаяся словом βουλευτής. Такой способ перечисления встречается нередко, например в близких по времени надписях из Эфеса³ ([M]ἄρκος Αὐρήλιος — — — — Ἀλεξανδρῆς καὶ Ἐφέσιος καὶ — — — — καὶ Σμυρναῖος βουλευτή[ς]), с Лесбоса⁴ (Αὐρήλιος Πίνυτος Γλύκωνος Ἐρέσιος καὶ Μηθυμναῖος βουλευτής), из Афродисия⁵ (Μάρ. Αἰὺρ. — — — —) ON Τιμοκλέους [τοῦ Ἀγαθόποδος τοῦ Ἀρτε[μιδώ]ρου Ἀφροδεισιέα καὶ [N]εικομηδέα καὶ Ἀκυρ[αν]όν, βουλευτήν), в уже упоминавшейся надписи из Рима⁶ (Ἀλεξανδρῆς, Ἐρμπολείτης, Ποππολάνος, Νεαπολείτης καὶ Ἥλειος καὶ Ἀθηναῖος βουλευτής) и др.

В последних двух строках содержится ссылка на постановление совета и народа с обычными для этого времени орнаментальными эпитетами. Название совета, судя по размеру лакуны, было сокращено, что также достаточно часто встречается в надписях. Обычно за упоминанием совета и народа следует название города, однако известны и случаи, когда оно отсутствует (например, IG Bulg. III. 2. № 1574: 7–9, с тем же сокращением слова βουλῆς). Другая возможность восстановления в данном случае ἱερῶς βουλῆς (ср. IG Bulg. III. 2. № 1553: 5–6) менее вероятна из-за редкости этой формулировки в данном контексте и из-за большей длины восстанавливаемого в лакуне текста.

Таким образом, надпись сообщает, что М. Аврелий Артемон, очевидно, за свой счет поставил статую императора Севера Александра в Тире по постановлению городских властей (ср. аналогичную формулировку, например, в IOSPE I². 199; ISM I. 177 B). Следует при этом заметить, что надпись нанесена не на постамент статуи, что было наиболее обычной практикой в таких случаях⁷, а на плоскую мраморную плиту. Впрочем, нельзя исключать, что постамент был изготовлен из более дешевого материала, например известняка, а на нем была укреплена мраморная плита с надписью. Возможно также, что плита с надписью была укреплена не на постаменте, а на стене рядом со статуей.

М. Аврелий Артемон, вне всякого сомнения, принадлежал к провинциальной элите и имел римское гражданство наряду с гражданством нескольких греческих городов. Судя по его имени, он сам или его предки получили римское гражданство между 161 и 212 годами, когда по решению Каракаллы им было надлено все свободное население империи. В подобных случаях, как известно,

³ Engelmann H., Knibbe D., Merkelbach R. Die Inschriften von Ephesos. IV. № 1001–1445 (Repertorium) (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien, 14). Bonn, 1980. S. 105–106. № 1154.

⁴ IG XII. 2. 1899. S. 125. № 562: 1–2.

⁵ Roueché Ch. Performers and Partisans at Aphrodisias in the Roman and Late Roman Period. A Study Based on Inscriptions from the Current Excavations at Aphrodisias in Caria. L., 1993 (Journal of Roman Studies Monograph, 6). P. 198–200. № 70: 2–7 = MAMA. VIII. 1962. P. 117. № 521: 1–6.

⁶ Moretti. Inscriptiones... P. 208. № 240: 9–10.

⁷ Трейстер М.Ю. Материалы к Корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // Херсонесский сборник. 1999. 10. С. 121–158. Предположение о том, что эта плита могла относиться не к статуе императора, а к какому-то сооружению, воздвигнутому в его честь, невозможно потому, что в этом случае имя императора стояло бы в дативе (ср. IOSPE I². 181; ISM I. 147, 148 и др.) или в генетиве в обороте со значением «за благополучие», «за здравие» и т.п. (ср. IOSPE I². 174, 184; ISM I. 182 и др.).

новый римский гражданин в качестве *граепомен* и *помен* получал имена правящего императора (имена Марк Аврелий носили римские императоры от Марка Аврелия до Севера Александра), которые наследовались его потомками⁸. М. Аврелий Артемон был, вероятно, уроженцем Истрии (на это указывает упоминание соответствующего этника в начале списка), но получил гражданство также в Гераклее, Тире и еще по меньшей мере в двух других городах. Видимо, во всех этих городах он принадлежал к привилегированной группе *булевтов*. В большинстве греческих городов императорской эпохи члены советов назначались пожизненно, а сами советы превратились в подобие местных сенатов⁹. Членство в них часто, если не всегда, наследовалось (в надписях нередки упоминания о *булевтах ἀπὸ προγόνων, πατῆρ καὶ προγόνοι βουλευτοῖ, γένος βουλευτικόν* и т.д.) и могло предоставляться иностранцам вместе с гражданством.

Случаи, когда представители провинциальной элиты совмещали не только гражданство нескольких полисов, но и членство в их советах, достаточно хорошо известны. Предпринимавшиеся время от времени римскими властями попытки бороться с этой практикой (см. Plin. Epist. X, 114–115), очевидно, не имели успеха. Например, упоминаемый в афинской надписи близкого времени (253–257 гг.) глашатай Валерий Эклект был *булевтом* Синопы, Дельф, Сард, Перг, Никои, гражданином Афин, Элеи и «гражданином и *булевтом* многих других городов» (IG II/III². № 3169/70)¹⁰. То же лицо упоминается в надписи 261 г. из Олимпии¹¹, из которой выясняется, что он был *булевтом* также в Смирне, Филадельфии, Гиераполе и Триполисе и гражданином Рима¹². Судя по тому, что Синопа в обоих списках упоминается первой, Валерий Эклект был уроженцем именно этого города. Кроме того, можно упомянуть надписи из Дельф и Эфеса в честь пантомима эпохи Коммода и Септимия Севера Тиберия Юлия Аполавста, бывшего *булевтом* в Эфесе, Дельфах, Магнесии на Меандре, Афинах, Пергаме, Траллах, Лаодикее, Милете, Никомедии, Никее, Кесарии, Никополе на Акции, Митилене, Гиерокесарии, Магнесии на Сипиле, Кумах, Саиттах¹³, Фивах, Платее, Херонее, Мессении, а также гражданином

⁸ Уже во второй половине II в. во всей Римской империи *граепомен* превращается из личного имени в наследственное, а исключения встречаются редко. С рубежа II–III вв. наследственные *граепомена* становятся общим правилом, а личные совершенно исчезают. См. Salomies O. Die römischen Vornamen. Studien zur römischen Namengebung. Helsinki, 1987. S. 378–389, 422–426 (специально об именах новых граждан и их потомков).

⁹ Lévy J. Etudes sur la vie municipale de l'Asie Mineure sous les Antonins // REG. 1895. 8. P. 219–231; Liebenam W. Städteverwaltung im Römischen Kaiserreiche. Lpz., 1900. S. 227–252; Jones A.H.M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxf., 1940. P. 170–191; Magie D. Roman Rule in Asia Minor, to the End of the Third Century after Christ. Princeton, 1950. P. 640–643; Ste Croix G.E.M. de. The Class Struggle in the Ancient Greek World, from the Archaic Age to the Arab Conquests. L., 1981. P. 308, 530–531; Wörle M. Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasien (Vestigia 39). München, 1988. P. 123–135; Sartre M. L'Orient romain. Provinces et sociétés provinciales en Méditerranée orientale d'Auguste aux Sévères (31 avant J.-C. – 235 après J.-C.). P., 1991. P. 129–130.

¹⁰ Ср. Moretti L. Iscrizioni agonistiche greche. Roma, 1953. P. 263–268. № 90.

¹¹ Dittenberger W., Purgold K. Die Inschriften von Olympia. B., 1896 (Olympia, V). S. 355–358. № 243 = SEG XVII. 203.

¹² Несмотря на упоминание Рима в этом списке, римское гражданство и гражданство греческих полисов представляли собой два совершенно различных феномена, и их получение имело разные последствия, причем в ряде случаев гражданство греческих полисов приносило больше практических выгод, чем римское; ср. Gauthier P. «Générosité» romaine et «avarice» grecque: sur l'octroi du droit de cité // Mélanges d'histoire ancienne offerts à William Seston. P., 1974. P. 207–215.

¹³ Этот город упомянут в надписи из Дельф дважды в разной форме: Σελτηνῶν (v. 17) и Σέττος (v. 24). Речь идет о городе в Лидии; см. о нем, а также о разных формах его названия: TAM V. 1. 1981. P. 28–31.

еще ряда городов¹⁴. На более близких территориях можно назвать упомянутого в надписи из Дионисополя (ср. ниже) Марка Помпея Луция, консульского бенефициария первого Итальянского легиона, который был булевтом одновременно Дионисополя, Каллатиса и Маркианополя (IGBulg. I². 24 bis). Таких примеров можно привести достаточно много, причем списки городов, в которых соответствующий персонаж был булевтом, могут включать от двух до двух десятков и более городов. Иногда они завершаются указанием на «многие другие города», а в некоторых случаях содержат явные преувеличения, как, например, в надписях из Дельф и с о-ва Мелос, в первой из которых утверждается, что чествуемый был гражданином и булевтом «всей Эллады» (τῆς Ἑλλάδος) ἀπάσης πολεῖταιν καὶ βουλευτῆν), а во второй даже и «повсюду во вселенной» (πανταχοῦ τῆς οἰκουμένης)¹⁵.

Несмотря на распространенность таких случаев в Римской империи, в надписях Северного Причерноморья до сих пор упоминания лиц, бывших булевтами нескольких городов, не встречались, хотя на западном побережье такие упоминания известны (Марк Помпей Луций в надписи из Дионисополя, см. выше). Тем не менее тот факт, что Тира, как и большинство других греческих городов римской эпохи, практиковала оказание почестей иностранцам в форме их наделения правами гражданства и включения в свой совет, уже был известен благодаря одной латинской надписи. Она нанесена на мраморном алтаре из Эска, столицы провинции Нижняя Мезия, в состав которой в первой половине III в. административно входила и Тира¹⁶. Надпись чествует Тита Аврелия Флавина, в прошлом примиплярия одного из легионов, награжденного, по всей видимости, Каракаллой (в надписи император назван Divus Magnus Antoninus Augustus), и была поставлена в эпоху Элагабала (218–222) или в начале правления Севера Александра¹⁷, т.е. лишь ненамного раньше публикуемой здесь надписи. Из надписи выясняется, что в момент ее составления Тит Аврелий Флавин был председателем совета Эска (princeps ordinis Coloniae Oescensium), а также членом советов (употреблено греческое слово *buleuta*) Тире, Дионисополя и Маркианополя в Нижней Мезии и более удаленных Аквинкума в Паннии и города тунгров в Германии (на территории современной Бельгии). Надпись поставлена в честь своего «достойнейшего друга» неким Клавдием Ником(едом?), бывшим булевтом, скорее всего в Тире (в надписи название города сохранилось лишь частично: *buleuta civitatis* [Tyra]ποπι). Уже первый издатель надписи А. фон Домашевски предположил, что перечисленные в надписи города Нижней Мезии и, в частности, Тира оказали Титу Аврелию Фламину почести, предоставив ему гражданство и членство в своих советах за его вклад в оборону от нападения племени карпов в 214 г., причем решающее сражение с ними произошло в окрестностях Тире¹⁸. Это предположение подтвердилось после

¹⁴ Bourguet, Op. cit. P. 365–366. № 551: 10–19; Merkelbach R., Nollé J. u.a. Die Inschriften von Ephesos. VI. № 2001–2958. Bonn, 1980 (Repertorium) (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien, 16), S. 53–55. № 2070–2071. См. Robert L. Pantomimen im griechischen Orient // Hermes. 1930. S. 106–114 = Opera Minora Selecta. I. Amsterdam, 1969. P. 654–662. Надпись в честь того же пантомима была найдена и в Коринфе: Robert L. Inscriptions de l'Antiquité et du Bas-Empire à Corinthe // REG. 1966. 79. P. 756–759 (Corinth VIII. 3. № 370 + 693).

¹⁵ Bourguet, Op. cit. P. 114–115. № 200: 4–5; IG XII. 3. 1898. P. 208. № 1117: 5–6.

¹⁶ CIL III (Suppl. 2). 14416 = ILS II. 7178. К чтению см. Gerov B. Die Invasion der Carpen im Jahre 214 // Acta of the Fifth International Congress of Greek and Latin Epigraphy. Oxf., 1971. S. 431–436.

¹⁷ Gerov. Op. cit. S. 432; Карышковский П. О. Из истории Тире в первой трети III в. н.э. // Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР. Клев, 1980. С. 74–77; ср. Сон. Ук. соч. С. 44–45.

¹⁸ Domaszewski A. von. Untersuchungen zur römischen Kaisergeschichte // RhM. 1902. 57. S. 507. Anm. 8.

публикации еще одной почетной надписи в честь того же лица, в которой сохранилось упоминание места сражения: *res ... Tyrae ge[stas]*¹⁹. По всей видимости, тот же Тит Аврелий Флавин поставил *ex voto* мраморный алтарь, обнаруженный в окрестностях Тирь у с. Беленькое. В надписи, датированной благодаря упоминанию консулов 217 г., называется, к сожалению, неполностью сохранившееся имя дедиканта: T(itus) Aur(elius) [Flavi]nus²⁰. Эта находка дополнительно подтверждает названную интерпретацию. Видимо, с теми же событиями связана и упоминавшаяся выше надпись другого римского военного – консульского бенефициария первого Италийского легиона Марка Помпея Луция (IGBulg. I². 24 bis), относящаяся ко времени не раньше эпохи Каракаллы (на это указывает название легиона *Antoniniana*, которое легионы, размещенные на дунайской границе, получили в его правление). Предположение о том, что он получил звание *булевта* трех нижнемезийских городов (Дионисополя, Каллатиса и Маркианополя) за участие в тех же событиях 214 г., в которых отличился Тит Аврелий Флавин²¹, весьма вероятно.

Таким образом, в нашем распоряжении уже имелись данные о том, что в первой половине III в. некоторые представители провинциальной элиты могли быть *булевтами* одновременно нескольких городов Западного Причерноморья. Однако до сих пор эти свидетельства касались лишь римских военных, получавших соответствующие почести от греческих городов за удачные военные действия в непосредственной близости от них и соответственно их защиту²². Публикуемая надпись является первым прямым свидетельством того, что эта практика в Западном Причерноморье, как и в других частях империи, не ограничивалась римскими военными. В самом деле, надпись не дает никаких оснований предполагать, что М. Аврелий Артемон имел какое-либо отношение к римской армии: речь идет, очевидно, об уроженце одного из греческих городов региона, скорее всего Истрии, и не думавшего делать военную карьеру. Сама надпись свидетельствует о том, что тесные связи, всегда существовавшие между различными городами понтийского региона, не прерывались и в III в.

Можно полагать, что упоминаемый в надписи М. Аврелий Артемон был весьма выдающимся деятелем, по крайней мере по черноморским масштабам. При этом в отличие от своих современников Т. Аврелия Флавина и М. Помпея Луция он не был римлянином, а принадлежал к греческой провинциальной элите. Его деятельность, конечно, не ограничивалась рамками одного полиса и включала столь неблизкие города, как Тира и Гераклея. Тем не менее отождествить его с одним из многочисленных омонимов, упоминаемых в

¹⁹ *Gerov. Op. cit.* S. 432–433.

²⁰ *Карышковский П.О. Новые эпиграфические находки в Поднестровье и Подунавье // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. Тез. докл. конф. Севастополь, 1988. С. 57–58; Бруяко И.В., Росохацкий А.А. К политической истории Нижнего Поднестровья в первой четверти III в. н.э. // Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюзных чтений памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса, 1990. С. 22–28.*

²¹ *Gerov. Op. cit.* S. 434–435; *Карышковский. Из истории Тирь...* С. 77–78.

²² Ср. статьи о херсонесском декрете 174 г. в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды, прокуратора Нижней Мезии, направленного в Херсонес во главе воинского отряда. За спасение города от военной опасности он получил гражданство, членство в совете и статус *проедра*. Интересно, что одновременно с ним чествуются и его жена Аврелия Паулина, которой даруются гражданство и обычные для проксенов привилегии, но не членство в совете (*Антонова И.А., Яйленко В.П. Херсонес, Северное Причерноморье и маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4. С. 58–86; Виноградов Ю.Г. Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса // ВДИ. 1996. № 1. С. 48–60; Смышляев А.Л. Карьера, миссия и статус Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1996. № 3. С. 141–147).*

надписях близкого времени (особенно популярно это имя было в Термессе в Писидии²³), не представляется возможным.

Следует заметить, что в ряде случаев получение дополнительного гражданства было не только знаком престижа и формой оказания почестей, но имело и вполне меркантильный интерес. Именно такова была ситуация с гражданством Тиры. Как мы знаем из надписи IOSPE I². 4, датированной 201 г., граждане Тиры имели существенные фискальные привилегии. Судя по содержанию надписи (сткк. 23–28), Тира злоупотребляла своим привилегированным положением, слишком щедро даруя свое гражданство иностранцам (очевидно, не без выгоды для себя²⁴) и тем самым частично выводя их из-под налогообложения. Эта практика приняла такие масштабы, что стала негативно влиять на доходы провинции. Для пресечения злоупотреблений потребовалось вмешательство римских властей и даже самих императоров (Септимия Севера и Каракаллы). В результате фискальные привилегии Тиры были сохранены, но существенно ограничено право предоставлять гражданство и, следовательно, расширять круг лиц, которые могли ими пользоваться: отныне, в отличие от обычной практики, для получения гражданства стало недостаточным постановление совета и народа. Это постановление, чтобы вступить в силу, должно было утверждаться специальным декретом наместника провинции. Этот факт красноречиво свидетельствует о размере фискальных привилегий, которыми обладали тириты, а также и об уровне зависимости Тиры от провинциальных властей. М. Аврелий Артемон, очевидно, обладал достаточным влиянием, чтобы добиться у наместника провинции своего утверждения в качестве гражданина Тиры. Впрочем, нельзя исключать и того, что этот статус он унаследовал от своего отца или деда, получивших его еще в тот период, когда новые правила не были введены, т.е. до 201 г. Во всяком случае, гражданство и членство в совете Тиры не было для него просто почетным званием: публикуемая надпись показывает, что он финансировал некоторые важные для города мероприятия, в данном случае установку императорской статуи.

Таким образом, публикуемая надпись является еще одним важным источником по истории Тиры, да и всего причерноморского региона в 20-е – 30-е годы III в. Она дополняет наши сведения о системе гражданства и государственного устройства понтийских городов этого времени, административно входивших в состав Римской империи. Так, она впервые свидетельствует о том, что причерноморские города в это время предоставляли почести в виде прав гражданства и членства в своих советах не только римским военным, но и уроженцам соседних греческих городов, не связанным с римской армией или администрацией. Эти представители греческой провинциальной элиты, очевидно, играли важную роль в жизни городов, выступая, в частности, эвергетами. Такая практика также свидетельствует о важности «горизонтальных» связей между городами различных частей причерноморского региона, в том числе входивших в состав разных римских провинций (например, Тира, Истрия и Гераклея). Впрочем, этот вывод не является неожиданным – совершенно аналогичная картина известна и в других регионах Римской империи.

²³ Список упоминаний см. TAM III. 1. 1941. S. 318.

²⁴ Известно, что гражданство некоторых полисов в римское время можно было просто купить (в Афинах до запрещения этой практики Августом: *D. Cass.* 54. 7. 2; в Тарсе: *D. Chrys.* XXXIV. 23 и др.), см. *Sartre.* Op. cit. P. 126–127. В любом случае полисы были заинтересованы в привлечении в состав своих граждан богатых и влиятельных людей, бывших потенциальными эвергетами.

A NEW INSCRIPTION OF THE EPOCH OF SEVERUS ALEXANDER FROM TYRAS

A.I. Ivantchik, N.A. Son

The authors publish an inscription of the epoch of Severus Alexander (222–235) recently discovered in Tyras (now in a private collection). The inscription can be reconstructed almost completely and translated as follows: «[To the Good] Fortune. (The statue) [of Emperor] Caesar Marcus Aurelius [Severus Alexa]nder Felix [Pius Augustus] – Marcus Aurelius Artemon Hi[strian (?), H]eracleian, Ty[rian... m]ember of the council, (erected) in accordance with the resolution [of Most Sacred Council and most] glorious [peo]ple». As numerous analogies show, M. Aurelius Artemon mentioned in the inscription was not only a citizen of a number of Pontic cities (Histria, which, probably, was his native place, Heraclea, Tyras and two other cities in lacunas), but also a member of their councils. In most Greek cities of the imperial epoch members of councils were appointed for life, and the councils became very much like local senates. Membership could often, if not always, be inherited or granted to foreigners together with citizenship. This practice, widespread in the Greek world in the imperial epoch, had not been attested before in the North Pontic Area, and in the West Pontic Area was attested for military officers of high rank. M. Aurelius Artemon obviously did not belong to the latter and was a representative of Greek provincial elite.